

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ: ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2016.1.05

Правильная ссылка на статью:

Кочкина Е. В., Михайлова Е. А. Сексуальность: теории, социокультурные тренды и общественное мнение россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 146—155.

For citation:

Kochkina E. V., Mikhaylova E. A. Sexuality: theoretical, frames, socio-cultural trends and Russian public opinion // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2016. № 1. P. 146—155.

Е. В. Кочкина, Е. А. Михайлова СЕКСУАЛЬНОСТЬ: ТЕОРИИ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРЕНДЫ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ РОССИЯН

СЕКСУАЛЬНОСТЬ: ТЕОРИИ, СОЦИО-
КУЛЬТУРНЫЕ ТРЕНДЫ И ОБЩЕСТВЕН-
НОЕ МНЕНИЕ РОССИЯН

SEXUALITY: THEORETICAL, FRAMES,
SOCIO-CULTURAL TRENDS AND
RUSSIAN PUBLIC OPINION

*КОЧКИНА Елена Викторовна — социолог, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук, Россия.
E-mail: ekochkina@list.ru
ORCID: 0000-0001-6123-348X*

*KOCHKINA Elena Viktorovna — Sociologist, Candidate of Political Sciences, Senior researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of Russian Academy of Sciences, Russia.
E-mail: ekochkina@list.ru
ORCID: 0000-0001-6123-348X*

*МИХАЙЛОВА Елена Александровна — кандидат социологических наук, Директор специальных программ Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), доцент кафедры социологии и гуманитарной культуры НИЯУ МИФИ, Россия.
E-mail: socio-expert@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4509-9337*

*MIKHAYLOVA Elena Alexandrovna — Candidate of Sociology, Director of Special Programs, Russia Public Opinion Research Center (VCIOM); Associate Professor of Sociology and Humanitarian Culture, National Research Nuclear University МЕРФИ, Russia.
E-mail: socio-expert@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4509-9337*

Аннотация. Статья представляет обзор тенденций, в русле которых происходили изменения ключевых параметров

Abstract. The review presents the poly disciplinary description of the concept «sexuality», trends in key parameters of

сексуальности за последние два столетия. Описание изменений в сексуальной культуре современных западных обществ и России проиллюстрировано данными опросов общественного мнения россиян в 2012—2015 гг. Акцентируется внимание на многозначности термина «сексуальность», порожденной полидисциплинарностью феномена сексуальности. Важный эффект изменений, происходящих в последние десятилетия — трансформация проблемы нормальности сексуальной ориентации в право личного выбора.

sexuality over the past two centuries, and the results of public opinion polls in 2012—2015 in Russia.

Ключевые слова: концепции сексуальности, брак, мораль, гомосексуальность, партнер, внебрачные связи, добрачные отношения

Keywords: frameworks of sexuality, marriage, moral, homosexuality, sexual partner, premarital sex and extramarital relations

«Сексуальность»: универсальная операционализация и концептуальное меню

Многие традиционные культуры и цивилизации поощряли внимание искусства к эротике и сексуальным практикам, но только современное западное общество развило науку о сексуальности. Фактически введение термина «сексуальность» обусловлено процессами формирования и консолидации современных социальных институтов.

Согласно принятой на конгрессе Всемирной сексологической ассоциации в Валенсии (1997 г.) специальной Декларации сексуальных прав, сексуальность определяется как *«органическая часть личности любого человеческого существа. Ее полное развитие зависит от удовлетворения базовых человеческих потребностей, таких как желание контакта, интимности, выражения эмоций, удовольствия, нежности и любви. Сексуальная свобода включает возможность для индивидов полностью выразить их сексуальный потенциал. Однако это исключает все формы сексуального принуждения, эксплуатации и злоупотребления в любое время и в любых жизненных ситуациях»* [The Declaration of Sexual Rights, 2014]. Такие категории, как пол или гендер, в данном определении в принципе не используются.

Обзор современных сексологических теорий позволяет выделить 39 разных теоретических перспектив, из которых современная наука описывает сексуальность и пол [Вайс, 1998]. Научная фрагментация смысла термина обусловлена процессом дифференциации научного знания на протяжении последних двух тысячелетий (дифференциацией дискурсов), в котором можно выделить два основных этапа: дифференциацию научных дисциплин (XVII—XIX вв.) и проблематизацию теорий познания (эпистемология XX—XXI вв.) в сфере гуманитарного знания.

Рассмотрением феномена сексуальности, исходя из своих методов и понятийного аппарата, занимались генетика и эволюционная биология, физиология, эндокринология, психиатрия, религиоведение, педагогика, психология и психоаналитические теории (З. Фрейд, А. Фрейд, К. Юнг, К. Хорни, психоаналитики-постфрейдисты), антропология, культурология, история, социология (Г. Маркузе, Э. Гидденс, Н. Луман, А. Бежен), философия и постмодернистская философия (М. Фуко, Дж. Батлер, Ив К. Сэдживик), общая теория систем и т. д. Каждая научная дисциплина рационализировала биосоциальный феномен сексуальности сообразно сложившимся общедисциплинарным методам и концепциям. Многодисциплинарность феномена сексуальности и породила полисемию термина «сексуальность».

Многозначность данного термина обнаружилась даже внутри каждой социальной дисциплины (философия, социология, психология, антропология, культурология, история, педагогика). И сегодня, проводя междисциплинарные исследования, ученые сталкиваются с нестыковками, противоречиями в определении и использовании тех или иных понятий. Это обусловлено многообразием современных методологических научных подходов [Здравомыслова, Темкина, 2002: 7]: усложненными моделями постсовременных эпистемологий (бидетерминизм/эссенциализм, позитивизм, социальный конструктивизм, структурализм, постструктурализм и иные теории постмодернизма и пр.).

Кроме того, на рост вариативности использования дескрипций сексуальности влияет выбираемый тем или иным автором исследовательский дискурс (несомненно, привязанный к собственной идентичности, а значит, и сексуальной культуре социализации или ресоциализации, собственному сексуальному опыту).

Рассмотрение доминирующих концепций и подходов с точки зрения выполняемой ими идеологической функции позволяет выделить определенные тенденции в формировании научного подхода к пониманию сексуальности.

В биологически ориентированных теориях нормальные сексуальные реакции и эротические переживания рассматривались (и рассматриваются до сих пор) как производные от репродуктивной функции: удовольствие (изначально — только мужчин, при отсутствии женской сексуальности) как стимул и поощрение к продолжению человеческого рода. Все иные формы и виды сексуального поведения: вне брака (добрачная и внебрачная сексуальность), нерепродуктивные (самодовольствование/мастурбация, детская сексуальность и т. д.), гомосексуально ориентированные (гей и лесбийские) и сексуальные фантазии трансвеститов и т. п., — оцениваются как перверсии/отклонения.

Гуманитарные исследования XX в. используют понятие «сексуальность» в целях аналитического описания прогрессирующего отделения секса от репродукции [Гидденс, 2004: 29] и дестигматизации ранее табуированных ее проявлений (в первую очередь это касается женской сексуальности). Уже более ста лет назад в работе З. Фрейда «Три очерка по теории сексуальности» [Фрейд, 1905] была раскрыта проблематичность связей между сексуальностью и самоидентичностью (self-identity).

В середине прошлого столетия ведущие социологи зафиксировали и научно (количественно) описали сдвиги в сексуальной культуре: американской [Marcuse,

1955/1966; Sorokin, 1956 и др.], западноевропейской [Гидденс, 2004 и др.], российской [Кон, 2002, 2004; Здравомыслова, Темкина, 2002] и в исламском мире [Илкаракан, 2000]. Многие феминистские авторы указывали, что эти сдвиги неразрывно связаны с изменениями в системе гендерного порядка современных обществ. Неслучайно главными субъектами изменений в сексуальной культуре за прошедшее столетие являются не мужчины, а женщины, социальное положение, деятельность и психика которых изменяются сейчас значительно быстрее и радикальнее, чем у мужчин [Кон, 2002: 26].

Таким образом, на научно-теоретическом уровне с изменением тематики и проблематики упрощенные биолого-медицинские аналитические модели сексуальности уступили место более сложным и тонким социологическим, культурологическим и психологическим моделям.

В середине XX в. ученые-сексологи (известные эмпирические исследования Института Кинси¹, Мастерса и Джонсон относились, по своим научным корням, к бихевиористским школам психологии) старались зафиксировать объективные формы и функции сексуального поведения (т. е. кто, с кем, что, как часто делает, чему служит то или иное сексуальное действие и т. п.). Гуманитарные исследования последних двух десятилетий XX в. сосредоточились на изучении и интерпретации субъективных значений и смыслов (т. е. что это значит для кого-то) и на изучении природы эротической мотивации и воображения (т. е. зачем и почему), а постмодернистские теории восстанавливают властные дискурсы, обуславливающие сексуальность как процесс формирования субъектности [Батлер, 2002; Grosz, 1995; Sedgwick, 1990]. Нейрофизиологи и эндокринологи дали детальное описание связи сексуальности, гормонов и эмоций.

Социолого-конструктивистский подход позволяет анализировать не только структурные рамки, обеспечивающие социальное воспроизводство, но и рефлексивные действия индивидов и групп, создающие новые социальные отношения. Критика социального конструктивизма ведется как со стороны биодетерминистских концепций (наиболее широко она представлена в медийном пространстве и масскульте), так и с постмодернистских позиций (представлена в узких интеллектуальных кругах).

Самый радикальный вызов модернистским теориям брошен, разумеется, постмодернистскими психоаналитическими и философскими теориями [Жеребкина, 2000]. Постмодернизм оторвал (!) сексуальность от тела и эмоций и переместил ее формирование в сферу циркуляции власти. Подобный методологический прием исключил из рассмотрения биосоциальную природу сексуальности и ее физиологических нарушений, однако не сказался на влиятельности постмодернистских идей. Именно благодаря постмодернистскому редукционизму удалось зафиксировать процесс формирования идентичностей.

Феминистский анализ сексуальности осуществляется в русле как неомарксистской традиции, так и постмодернистской традиции (постструктуралистские

¹ Институт им. Кинси по изучению пола, гендера и репродукции (The Kinsey Institute for Research in Sex, Gender and Reproduction) — научное учреждение, призванное содействовать междисциплинарным исследованиям и изучению человеческой сексуальности, гендера и репродукции, было основано в 1947 г. как Институт исследований пола при Университете Индианы в Блумингтоне.

теории Батлер, Гросс, Сэдживик). При этом неомарксистский феминистский анализ [Hennessy, 2000], пройдя долгий путь критического анализа всех современных и постмодернистских теорий, наиболее убедительно объясняет экономический процесс производства желания, феномены коммерциализации и превращения культуры в товар (commodification) в ходе развития глобального капитализма, построенного не в последнюю очередь на управлении сексуальными идентичностями потребителей. Человеческое поведение, в том числе сексуальное, рассматривается как промежуточный продукт маркетинговых корпоративных стратегий, а дифференциация сексуальных желаний и их многообразие — как двигатель производственного процесса позднего капитализма.

Отдельно стоит упомянуть теории сексуальной революции: проектные теории, теории растления [Sorokin, 1956] и теории социокультурного заговора, сосредоточившие внимание на движущих силах и макросубъектах сексуальной революции на Западе и в России (в российском коммуникативном политическом пространстве эту концепцию продвигают религиозные патриоты и фундаменталисты).

Особую группу составляют концепции, рассматривающие процесс формирования влечения. Основное внимание в них уделяется модели желаний [Ушакин, 2007] — прежде всего модели желания Бодрияра, выстраиваемой на базе моделей Фуко, Лакана, Кристевой. Ж. Лакан и Ю. Кристева утверждают, что происходит «постоянная подтасовка, а то и полная перелицовка человеческого желания» как вынужденная дифференциация между выражаемым и выраженным, приводящая к отчуждению желания, трансформирующего его в страдание. У Бодрияра модель желания расширяет диапазон возможных объектов желания (банальных и традиционных объектов) и демонстрирует обусловленность желания ограничивающими его новыми нормами (в большей части подсознательными). Как неомарксист он связывает идентификационный уровень личности и макроуровень социальных процессов, взаимоувязывает возрастающую роль условности в жизни постиндустриального общества (по футурологу Дэниэлу Беллу) с постепенным *вымыванием желания, подменой желания соблазном*.

Тенденции изменений в сексуальной культуре

Рассмотрение форм практикуемой сексуальности и отношений к сексуальности в современных западных обществах конца XX — начала XXI в. позволяет говорить о тенденциях к либерализации, плюрализации, индивидуализации и рационализации [Бежен, 1997].

Мораль и неформальные нормы. Ключевые изменения в концептуализации сексуальности связаны с нормализацией многообразия сексуальности и ее дебиологизации. В результате научно-технического развития в конце XX в. стало возможно контролировать не только зачатие, но и искусственное (происходящее в отсутствие сексуальной активности) оплодотворение. Фактически сексуальность приобрела автономный характер [Гидденс, 2004: 29]. Общественное сознание (нормативная культура) признало, что не направленная на деторождение сексуальность не нуждается в легитимации и является самоценной. Безусловно, данная гедонистическая установка противоречит антисексуальным ценностям христианских фундаменталистов [Кон, 2004], продолжающих выступать за контроль над

чувственной, «греховной» человеческой природой, против контрацепции и абортов, отрицающих право человека на свободный выбор и желание. Необходимо также учитывать тенденцию к идеологической реанимации аскетизма, наблюдаемую в течение последнего десятилетия XX в. как в западных странах, так и в России.

В нашей стране социологи наблюдали изменения в сексуальной морали еще десятилетие назад: уменьшился разрыв между повседневной и официальной моралью, сузился круг морально оцениваемых явлений. Количество и тип сексуальных партнеров, практикуемые сексуальные техники становятся исключительно личным выбором и определяются взаимным согласием партнеров (а не заданными нормами).

По данным опросов общественного мнения², только пятая часть (21 %) россиян полагает, что добрачные сексуальные отношения для юношей не допустимы, 26 % не осуждают такие связи с будущей супругой (т. е. при наличии устойчивой связи), 27 % — с любой женщиной, а 13 % убеждены, что сексуальные отношения вне (до заключения) брака полезны и необходимы для молодых людей. Гендерные различия, традиционно более требовательное отношение к моральным качествам женщин, оказывают незначительное влияние на неформальные ограничения для вступления девушек во внебрачные сексуальные отношения: их считают недопустимыми 26 % россиян³.

Еще одна тенденция двух последних десятилетий — снижение возраста сексуального дебюта и автономизация подростковой и юношеской сексуальности от внешних форм социального контроля со стороны родителей, школы, церкви и государства, сопровождаемая увеличением влияния со стороны молодежных субкультур и СМИ, массовой культуры [Кон, 2004]. Результатом таких изменений является продуцирование рисков, связанных с нежелательными подростковыми беременностями, абортами, заражением заболеваниями, передающимися половым путем.

Опасения, связанные с возможными негативными последствиями добрачных связей, касаются в первую очередь распространения венерических заболеваний и СПИДа (57 % от осуждающих внебрачные связи), появления большого числа брошенных детей (47 %), рисков бесплодия у женщин в результате абортов (40 %), роста количества семей, создающихся «по необходимости» (37 %), трудности в получении профессии в случае ранней беременности (27 %) ⁴. То есть в первую очередь речь идет о возможных негативных физиологических последствиях незащищенного секса и возникающих в связи с этим ограничениях для личности, а не о таких факторах, как социальное порицание, исключение из социальной среды и т. п.

Вариативность выбора партнеров. Сравнительно-исторический анализ динамики сексуального поведения, установок и ценностей за последние полстолетия демонстрирует резкое сокращение нормативных характеристик мужской и женской сексуальности, а также поведенческих и мотивационных различий

² В работе приведены данные еженедельных всероссийских опросов общественного мнения, проводившихся ВЦИОМ. Объем выборочной совокупности — 1600 человек в 132 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,5%. Даты проведения опросов указаны в ссылках к данным.

³ 7 декабря 2014 г.

⁴ 7 декабря 2014 г.

между мужчинами и женщинами, которое ранее выражалось в двойном стандарте половой морали для мужчин и женщин. Ресексуализация женщин, лучше мужчин рефлексирующих и вербализующих свои сексуальные потребности, создает для мужчин новые трудности. Достаточно ярко это проявляется, например, в нарастании исполнительской тревожности — сомнении в качестве сексуального исполнения [Кон, 2004: 27].

Важный эффект происходящих изменений — трансформация проблемы нормальности сексуальной ориентации (гетеро-, гомо-, би-, а- и пр.) из морально-политически стигматизирующей все иные ориентации, кроме гетеросексуальности, в право личного выбора. Наибольшее сопротивление со стороны общественной морали вызывает нормализация гомосексуальности (сексуальное влечение и интерес к лицу своего биологического пола), связанная с общим ростом социальной и сексуальной терпимости. Гомофобия и дискриминация людей по признаку пола из сексуальной ориентации во всем мире продолжает оставаться предметом бурных дискуссий [Кон, 2004: 33].

Постепенно достаточно консервативная, базирующаяся на жестких нормативных требованиях к семейным устоям мораль начинает трансформироваться — общество становится более толерантным по отношению к тем, кто выбрал иные формы сексуальности. Так, 22 % россиян придерживаются точки зрения, что сексуальная ориентация — частное дело каждого, и не проводят различий между людьми с традиционными или нетрадиционными взглядами. Еще 15 %, признавая право на свободный выбор сексуального партнера, предпочитают дистанцироваться от гомосексуальных предпочтений. При этом наблюдается сопротивление системы вышеобозначенным тенденциям, во многом обусловленное тональностью освещения проблематики в официальных СМИ: если в 2005 г. доля лояльно воспринимающих выбор нетрадиционных форм сексуальности составляла 41 %, а доля открытых гомофобов — лишь 12 %, то в 2015 г. 20 % россиян заявили, что людей с нетрадиционной ориентацией следует изолировать. Еще 15 % респондентов убеждены, что гомосексуальные отношения свидетельствуют о социальной болезни общества, а пятая часть опрошенных относится к рассматриваемой социальной группе с сожалением, считая склонность к выбору схожего по полу партнера болезнью.

Публичная демонстрация нетрадиционной сексуальной ориентации в российском обществе остается за рамками нормативно одобряемого поведения. Результаты опроса, при которых 82 % респондентов утверждают, что среди их близких и знакомых нет людей нетрадиционной сексуальной ориентации (при доле позитивных ответов 8 %), указывают на ограниченные публичные проявления сексуальных предпочтений лицами, имеющими гомосексуальных партнеров⁵.

Если свобода выбора сексуального партнера рассматривается как составляющая самореализации в интимной жизни, то проституция как форма установления связей, упрощающая поиск партнера и предполагающая минимизацию ответственности партнеров друг перед другом, не воспринимается как свободный, осознанный выбор [Ходырева, 2006]. Коммерциализация сексуальных отношений противоречит тенденциям либерализации процесса выбора, ухода от значимо-

⁵ 5 июля 2015 г.

сти формально-знаковых норм (формальных документов или денежных знаков) в такой системе.

Несмотря на лояльное отношение к сексуальным отношениям вне брачного союза, наблюдается рост неприятия «продажной любви» и в общественном мнении россиян. В 2007 г. проституцию как социальное явление осуждали 72 % опрошенных, а в 2012 г. — 78 %⁶.

Брак. Изменение гендерного порядка неразрывно связано с изменением соотношения между сексуальностью и институтом брака. В современном западном обществе (modernity) на смену нормальной сексуальности в пожизненном нерасторгаемом церковном браке приходят браки по любви, браки-партнерства [Giddence, 1997: 51], многообразие брачных союзов (например, серийная моногамия, когда человек живет одновременно только с одним партнером/партнершей, но эти отношения продолжаются не всю жизнь, а только в течение какого-то более или менее длительного отрезка времени).

Институт брака перестал выполнять функции базового регулятора сексуальных отношений и в России. Основным мотивом вступления в формально закрепленный союз для 60 % выступает стремление к продолжению рода, тогда как функция сексуальной регуляции значима лишь для 20 % россиян. Чаще брак создается на базе стремления избежать одиночества (28 %), иметь рядом способного оказывать эмоциональную поддержку партнера (43 %), «чувствовать себя кому-то нужным» (36 %).

Институт брака перестал быть самоценным, а отсутствие постоянного партнера не относится к формам неодобряемого, осуждаемого поведения. Только 56 % россиян разделяют традиционную установку на обязательность заключения брачных уз и создания семьи для каждого члена общества. Для остальных брак — это скорее форма закрепления за партнерами обязанностей по воспитанию совместных детей. При этом только 23 % россиян рассматривают брак и рождение детей как нравственный долг каждого члена общества.

Создание семьи для абсолютного большинства является желательной (только 12 % предпочли бы не связывать себя постоянными узами)⁷, однако отнюдь не обязательной жизненной стратегией. Формальное же закрепление отношений для 53 % не особо важно — они готовы всю жизнь прожить со своим партнером в гражданском браке, без «штампа в паспорте» (включая 11 % не имеющих четкой позиции по данному вопросу)⁸.

На снижение значимости официально зарегистрированного брака как регулятора сексуальных отношений указывают и представления о базовых причинах разводов: только 14 % россиян считают супружескую измену весомой причиной для разрыва семьи⁹.

Рассмотрение данных процессов с точки зрения социальной стратификации позволяет прийти к выводу, что подобная общественная легитимация установки на возможную временность сексуального партнерства производна от высокой социальной мобильности, которая делает любые социальные идентичности и при-

⁶ 4 февраля 2007 г. и 29 апреля 2012 г.

⁷ 7 декабря 2014 г.

⁸ 16 февраля 2014 г.

⁹ 21 июня 2015 г.

надлежности (профессиональные, территориально-этнические, конфессиональные и в том числе сексуальные) более изменчивыми. С одной стороны, партнеры оказываются в ситуации ненадежности, неустойчивости и неопределенности, с другой — увеличивается степень индивидуальной свободы и связанной с нею личной ответственности [Кон, 2002: 31].

Менее половины россиян (46 %) категорически осуждают связи, возникающие между холостым и находящимся в браке партнерами (внебрачные сексуальные отношения), в то время как остальные такие отношения если и не одобряют, то допускают¹⁰.

Ряд западных государств (Нидерланды, Канада и др.) уже признали равные юридические права гомосексуальных браков. Следует ожидать, что в первой половине XXI в. однополые браки или домашние партнерства будут легализованы во многих странах мира, а дискриминация людей по признаку сексуальной ориентации станет такой же юридически и морально не приемлемой, как расизм и антисемитизм.

В современной России общественное мнение не готово к восприятию нетрадиционных форм брака в качестве нормативных и к их институционализации — в отношении к однополым бракам доминирует явно выраженное неприятие. Так, в июле 2015 г. на вопрос «Вы лично согласны с тем, что однополые пары (гомосексуалисты и лесбиянки) должны иметь право вступать в брак между собой или нет?» 80 % респондентов дали отрицательный ответ, а доля допускающих такую возможность составила лишь 14 %¹¹. Говоря о государственной политике в области регулирования однополых сексуальных отношений, только 6 % россиян считают необходимым признать право лиц «нетрадиционной сексуальной ориентации» на создание полноценной семьи и только 3 % считают возможным предоставить таким парам право на воспитание приемных детей или «детей из пробирки»¹².

В описанных тенденциях дифференциации социокультурных трендов мы видим, как происходят изменения в российском общественном мнении. Однако только качественные методы социологических исследований позволяют фиксировать сосуществование в современной сексуальной российской культуре множественности поведенческих сексуальных сценариев на индивидуальном, когортном и субгрупповом уровнях [Здравомыслова, Темкина, 2002].

Список литературы

Бежен А. Рационализация и демократизация сексуальности // Социология сексуальности. СПб. : Институт социологии, 1997.

Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции / пер. с англ. З. Баблюна. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2002.

Вайс Дж. Как работает психотерапия: процесс и техника. М. : Класс, 1998.

Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб. : Питер, 2004.

Жеребкина И. Прочти мое желание. М. : Идея-пресс, 2000.

¹⁰ 9 февраля 2014 г.

¹¹ 5 июля 2015 г.

¹² 12 апреля 2015 г.

Здравомыслова Е., Темкина А. Российская трансформация и сексуальная жизнь (вместо введения) // В поисках сексуальности : сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002.

Кон И. С. Диагноз судьбы и судьба диагноза // Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. М. : ОЛИМП, 2004.

Кон И. С. Сексология : учеб. пособие. М. : Академия, 2004.

Кон И. С. Человеческая сексуальность на рубеже // В поисках сексуальности : сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002.

Ушакин С. Поле пола. Вильнюс : ЕГУ ; М. : Вариант, 2007.

Ходырева Н. В. Современные дебаты о проституции. Гендерный подход. СПб. : Алетейя, 2006.

Фуко М. История сексуальности. Т. 2: Использование удовольствия / пер. С. Табачникова; общ. ред. В. Пузырев. М. : Магистерум-Касталь, 1996.

Giddens A. The transformation of intimacy. Cambridge, 1997.

Grosz E. Space, Time and Perversion : Essay on Politics of Bodies. NY & London : Routledge, 1995.

The Declaration of Sexual Rights, 1997. Revised in 2014 / World Association of Sexual Health [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldsexology.org/resources/declaration-of-sexual-rights/> (дата обращения: 12.01.2016).

Hennessy R. Profit and pleasure: Sexual identities in late capitalism. N.Y. ; London : Routledge, 2000.

Ikkanacan P. Women and sexuality in Muslim societies. Istanbul, Turkey, 2000.

Marcuse H. Eros and Civilization : A Philosophical Inquiry into Freud. Boston : Beacon Press, 1955/1966.

Sedgwick E. K. Epistemology of the Closet. University of California Press, 1990.

Sorokin P. The American Sex Revolution. An Extending Horizons Book. Boston : P. Sargent, 1956.